ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

Дата поступления статьи: 03.12.2020
Дата решения о публикации: 11.12.2020

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ О «ПОТУСТОРОННИХ МИРАХ» И «ПОТУСТОРОННИХ ПОКРОВИТЕЛЯХ» В ПЕРВЫХ ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ В КОНТЕКСЕ КУЛЬТА ПОЧИТАНИЯ ПРЕДКОВ

Е. В. Шушунова

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. *Статья посвящена вопросу религиозной жизни населения Северного Причерноморья в первых веках нашей эры, отношению к смерти и посмертию. В первых веках нашей эры на всей территории Северного Причерноморья усиливаются представления связанные с бессмертием души и ожиданием гораздо лучшей участи после смерти. Античная мифология приобретает новые специфические черты, которые находят свое выражение в образах старых богов, которые наделяются новыми сакральными функциями. Сохранение основных функций этих богов и распространение культа предков в первых веках происходит на основе общего усиления хтонизма и сотерических функций в сакральной жизни античного населения. В данной статье автор выделил особенные черты типичные для населения античных городов Северного Причерноморья в первых веках нашей эры и касающиеся представлений о «потусторонних мирах» и «потусторонних покровителях» в контексте культа почитания предков.*

Ключевые слова: *потусторонние миры, потусторонние покровители, Северное Причерноморье, культ, культ предков, хтонизм.*

UDC 94(3)
LBC 63.3(0)3

Date of receipt of article: 03.12.2020
Date of publication decision: 11.12.2020

PECULIARITIES OF THE REPRESENTATIONS ABOUT "OTHER WORLD" AND "OTHERWORLDLY PATRONS" AMONG THE POPULATION OF ANCIENT CITIES OF NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE FIRST CENTURIES OF OUR ERA IN THE CONTEXT OF ANCESTOR WORSHIP CULT

E. V. Shushunova

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. *The article focuses on the religious life of the population of the Northern Black Sea region in the first centuries of our era, their attitude to death and posthumous life. In the first centuries of our era, the ideas associated with the immortality of the soul and the expectation of a much better fate after death are reinforced throughout the Northern Black Sea Region. Ancient mythology acquires new specific features, which are expressed in the images of the old gods, who are endowed with new sacred functions. Preservation of the basic functions of these gods as well as the spread of the cult of ancestors in the first centuries is based on the general strengthening of chthonism and soteric functions in the sacred life of the*

ancient population. In this article, the author highlighted the special features typical for the population of ancient cities of the Northern Black Sea Region in the first centuries of our era and relating to ideas about "other worlds" and "other world patrons" in the context of the worship of ancestors.

Keywords: *other worlds, otherworldly patrons, Northern Black Sea region, cult, cult of ancestors, chthonism.*

Отношение к смерти и посмертному существованию менялось на протяжении всей античной истории. Во всех древних городах, независимо от того, в каком регионе античной ойкумены они находились, большое значение придавалось исполнению основных правил общепринятых ритуалов, связанных со смертью человека. О смерти в свое время красноречиво писал Софокл в трагедии «Антигона»: «В мире много сил великих, / Но сильнее человека / Нет в природе ничего... / Создал речь и вольной мыслью / Овладел, подобный ветру, / И законы начертал, / И нашел приют под кровлей / От губительных морозов, / Бурь осенних и дождей. / Злой недуг он побеждает / И грядущее предвидит, / Многоумный человек. / Только не спасается, / Только не избегает / Смерти никогда» [Soph. Ant. 367–369, 389–400] [21, с.47]¹. Знание и понимание неизбежности ухода из земной жизни, но вместе с тем нежелание примириться и окончательно поверить в ее трагический исход, хотя с верой в то, что достойная смерть может быть лучше, чем жизнь, и можно начать новую жизнь в ином мире способствовали возникновению культов местных героев и предков.

Дифференциация двух потусторонних миров мертвых в разных традициях и на разных стадиях развития мифологического, а позже и религиозного взгляда на мир базировалась на разных верованиях: умерший отправлялся в верхний или нижний мир в зависимости от меры соблюдения ритуальных предписаний, от рода смерти, и социального статуса, а позднее, с развитием идеи загробного воздаяния, – от оценки его поведения в земной жизни [20, с. 454–455].

Отношение к смерти и посмертию выступает в качестве квинтэссенции философской и религиозной мысли эпохи. В этом отношении особый интерес вызывает изучение особенностей в представлениях населения античных городов Северного Причерноморья о «потусторонних мирах» и «потусторонних покровителях» в первых веках нашей эры в контексте культа почитания предков. Постараемся выделить некоторые из них.

В культурном отношении Северное Причерноморье представляло собой очень своеобразную часть античного мира. Это своеобразие, прежде всего, определялось взаимодействием двух разных культурных начал – греческого и местного, и находило проявление во всех сторонах как материальной, так и духовной жизни населения Северного Причерноморья.

Греки принесли в Северное Причерноморье все достижения духовной культуры метрополии (мифы о богах и героях; религиозные праздники; шествия; театральные представления и т.д.). Среди народов, с которыми столкнулись эллины, были как вошедшие в стадию создания собственных государств, так и не вышедшие за рамки потестарных образований.

Культы в античных государствах Северного Причерноморья представляли собой весьма сложную картину. Кроме греческих культов, в античных городах Северного Причерноморья были распространены и местные или иные негреческие культы. Иногда в одном божестве объединялись черты и греческого, и близкого ему скифского или другого местного бога.

В впервые века нашей эры на территории античных городов Северного Причерноморья происходит трансформация религиозных представлений в сторону усиления хтонической составляющей традиционных верований и широкого распространения защитных функций, а также магии и колдовства, что напрямую касается и ритуальных действий, связанных с почитанием предков.

Особое место среди культов приобретает культ почитание предков-покровителей. С выявлением родовой аристократии, концентрирующей в своих руках и землю, и власть, и экономическую силу, и моральный авторитет, именно родоначальники родов выделяются как объекты почитания. Со временем круг почитателей того или иного предка расширялся, культ обрстал новыми формами и функциями и обретал весьма серьезное значение, приобретая черты полисного культа. В этой связи отметим, что изображения умерших предков (посмертные маски и бюсты) делались задолго до того, как появились изображения богов.

Как известно, боги издревле выступали хранителями и защитниками местности. Приобщение к высшей власти, обожествление, желание предстать бессмертным, всего этого можно было достичь путем отождествления себя с богом, обладавшим высшей божественной волей. Ведь все события в жизни человека всегда были стимулированы божественным началом. Как и большинство древних народов, население Северного Причерноморья полагало, что тень умершего поддерживает связь с живыми и нуждается во всем том, что имела при жизни. Теперь религиозное сознание не может смириться с безрадостной перспективой бродить бесплотной тенью в Аиде. Захоронение умершего в античную эпоху, утратив связь с публичными проявлениями культа, становится священной обязанностью не рода или племени, как это было ранее, а сравнительно небольшого коллектива – семьи, являвшейся основной экономической ячейкой общества [10, с. 160; 22, с. 211]. Почивший родственник в представлении домочадцев не только удостоивается блаженной участи, но и может оказать влияние на судьбу потомков.

С культом предков, как таковым, неотъемлемо связаны многочисленные изобразительные символы. Так как череп является самым очевидным изобразительным символом, связанным с культом предков, с ним нередко производили танцевальные движения (череп служили воплощением самих умерших предков), подобно детям, играющим с куклой. Обряды, в которых принимали участия куклы, всегда были театрализованы и включали ритуальные танцы. Благодаря этому потомки рассчитывали на воссоединение с духом своего предка. У многих народов символом предка выступала именно кукла. По некоторым версиям, известные нам с детства героини Арлекин и Петрушка, тоже связаны с архаичными мистериями культа мертвых [20, с. 119]. Куклы были призваны воплощать дух предка. Они различались по атрибутам и расцветке. К примеру, у римлян был известен обычай выносить к пиршественному столу серебряную куклу мертвеца – лария [20, с. 126]. Вот и духи Лары считались воплощением предков. Особым местом почитания ларов были перекрестки: перекресток считался местом, откуда открываются пути во все сферы космоса, в том числе на тот свет. Недаром именно на перекрестках появлялась богиня смерти и колдовства Геката [20, с. 95]. Обычно ее изображали с собачьими головами или с изображениями собак [Scoph. frg., 492]. Ей приписывали дорожно-охранительные функции. Более того охранительно-дорожные функции богини были непосредственно связаны с обрядом очищения, во время которого молодые собаки приносились в жертву божеству [Sofron.InScholastica, Lycophr., 77; Plutarch, Quaest. Rom., III, 52, 68].

Церемонии, связанные с культом предков, предполагали символическое участие в совместных трапезах, иногда состязаниях и играх. В этих церемониях живые должны были выполнять роль мертвецов. Сейчас, конечно, трудно сказать, насколько верили ряженые, что они перевоплощаются в предков во время церемоний культа предков. Но как бы то ни было, представления, связанные с культом предков, устраивались регулярно. Маски и атрибуты, задействованные в данных церемониях, были страшными и смешными, гротескными и зачастую соединяли в себе черты человеческого и потустороннего. Но главной составляющей всегда оставалось обожествление и наделение сверхъестественными качествами конкретного человека – предка. Ведь для потомков именно он был связующим звеном между миром живых

и потусторонним миром мертвых. Мертвецы во время таких ритуалов «приглашались», а затем «изгонялись» на тот свет.

Уже в римское время население стремится увековечить образ и деяния умершего не только в портрете, но и в надгробных речах. Речи произносились на похоронах, записывались и хранились в семейном архиве. Бюсты покойных устанавливались в нишах надгробных сооружений. Восковые бюсты предков хранились в специальных нишах дома, их выносили лишь во время похоронных церемоний [20, с. 122]. Предки, таким образом, сопровождали к погребению нового покойника. Почему же погребения, точнее надгробия или погребальное ложе (часто надгробия и изображались как погребальное ложе), оказывались центром священнодействия? Во многом это можно объяснить тем, что покойник как раз и был проводником, или «медиатором», который осуществлял связь между миром живых и потусторонним миром мертвых.

Для античности характерны были надгробия, предназначенные для публичного обзора, увековечения образа и деяний умершего. Надгробные статуи стилистически не отличались от статуй живых. Особо следует отметить многочисленные и разнообразные рельефные надгробия с изображениями умерших, особенно в первые века н.э. Исследователи выделяют основные сюжеты надгробных рельефов [19, с. 116]: стоящая женщина в позе печали [19, с. 116–117; 2, с. 9–10]; стоящий мужчина в ораторской позе [19, с. 116–117; 2, с. 11–12]; сцена прощания [19, с. 118–119; 2, с. 13–14; 6, с. 94–96]; женщина, сидящая в кресле [19, с. 121–123; 2, с. 14–16; 17, с. 76–77]; всадники [3, с. 54–55; 7, с. 32; 2, с. 18, 19; 15, с. 42; 11, с. 169–180; 19, с. 126–129; 5, с. 388; 13, с. 104, 106; 17, с. 69–71], чаще всего один всадник, во многих случаях с пешим слугой, часто в сопровождении другого всадника, изображенного наполовину, иногда – два всадника лицо к лицу, в геральдической композиции, всадник и женщина, сидящая в кресле [19, с. 130; 7, с. 62–63; 4, с. 40; 10, с. 27–33; 17, с. 69]; пешие воины, со щитом и копьем или луком в горите [19, с. 132; 5, с. 384–385; 17, с. 71]; сцена «загробной трапезы» [16, с. 45–51; 18, с. 9; 14, с. 141–143; 1, с. 53; 17, с. 75–77; 8, с. 77, 79–81, 130–132; 2, с. 16–18; 50–51; 19, с. 132–135; 12, с. 25; 6, с. 103–105]. Любое изображение покойного на надгробии, помещенное в эдикулу служило выражением его героизации. Помимо надгробий на могилах некрополей Северного Причерноморья устанавливали разнообразные каменные алтари для возлияний. В первые века н.э. в погребальном инвентаре Северного Причерноморья отмечается увеличение количества сосудов, предназначавшихся для еды и питья. Исходя из смысла надписей, обнаруженных на них: «душа», «счастье», «пей, радуйся», «да будет милостив ко мне бог», сосуды явно использовались для обряда возлияния и кормления души. Выбор жидкости для подобных ритуалов был не случаен. Считается, что в подобных ритуалах использовали молоко, вино, мед, воду или их смесь [Hom.Od., X, 24; Eur. Iph., 143–147]. Важно отметить, что к жертвенной пище и питью, которые оставляли на некрополе, живые не имели права притрагиваться [Luc., Deluc., 13; Pavv., V, 31]. Возлияния, как правило, совершались либо в честь героизированных умерших, либо в честь бога подземного мира.

С идеей героизации умерших предков связаны также сооружение склепов различных конструкций, которые были представлены на территории всего Северного Причерноморья в первых веках н.э. К данной проблеме в свое время обращались М. И. Ростовцев, А. С. Русяева, В. Д. Блаватский и др. Отметим, что героизация умерших предков становится массовой еще в эпоху эллинизма, но сохраняет свое положение и в первых веках н.э. Вероятнее всего, это связано с общими изменениями социально-политического и, соответственно, общественно-психологического характера. В это время для граждан резко уменьшилась возможность участвовать в политической жизни и заметно упал интерес к общественным делам. На этом фоне значительно выросла роль частной жизни. Эти изменения коснулись и религиозной жизни, в том числе и культа героизации предков. В этой связи он так же приобретает

частный характер. Вероятно, в условиях постепенного «старения» греческой цивилизации, когда исчезают стимулы (или внутренние импульсы), побуждающие людей к общественной, познавательной и иным формам жизнедеятельности, свойственной эпохам архаики и классики, увеличивается тяга к ознакомлению с загробной жизни. Ведь чаще всего потомки стремились заручиться поддержкой предков в особые моменты в своей жизни. Именно этим можно объяснить происхождение сюжетов жертвенной причастной трапезы. Жертва служила средством обмена с потусторонним миром. Это и объясняет необходимость регулярных контактов с умершими предками. Для этого же умерших призывали в селения при совершении календарных ритуалов. Следует отметить, что основную опасность представлял бродячий покойник, мертвец, который возвращался в мир в свое обличье. Он должен был оставаться в загробном мире. Ряжение, выделявшее пришельцев с того света, было необходимым для живого символического поведения, позволявшим урегулировать отношения с загробным миром [20, с. 133–134]. Сама могила считалась воротами в царство мертвых и одновременно символизировала жилище покойного. Нередко покойному придавалось положение сходное с плодом в утробе матери, что иллюстрирует идею смерти как рождения для нового существования. И уже в римское время возникает представление о двух душах, одна из которых, как римский гений или анима, продолжало загробное существование, а другая, как римский анимус, в первоначальных верованиях прекращала существование вместе с жизнью. Хотя анимус позже нашел загробное существование вместе с распространением культа манов [20, с. 141].

Политеизм религии, основу которой составляли многочисленные культы божеств и взаимосвязанных с ними мифов привели к отсутствию общепринятых канонов в почитании того или иного божества, что давало жрецам и другим служителям культов проявлять творческую инициативу в создании местных мифов, культовых имен для отдельных божеств. Расширить их функции и устраивать соответствующие сакральные зоны для их почитания, как в городах, так и за их пределами.

Таким образом, с усовершенствованием духовной культуры усиливалась и сакрализация, а соответственно усложнялся погребальный ритуал. Он стал более мифологизированным, сакрализированным, опозитизированным и гуманным, причем во всех регионах их обитания. Становятся почти общепризнанными представления связанные с бессмертием души и соответственно гораздо лучшей участи, ожидающей людей после их смерти. Античная мифология приобретает новые специфические черты, которые находят свое выражение, как правило, в образах старых богов, но наделяемых новыми сакральными функциями. Почти везде сохраняет свое значение культ Деметры и Керы-Персефоны (кроме Ольвии – падение зернового хозяйства), обеспечивающие благоденствие предкам в потустороннем мире, Диониса – спасителя и защитника не только живых, но и мертвых, Афродиты и Кибелы – покровительниц умерших. Однако при этом сохранение основных функций этих богов и распространения культа предков в первых веках происходит на основе общего усиления хтонизма и сотерических функций в сакральной жизни античного населения. Именно поэтому сохраняют свое лидирующее значение в религиозном сознании только те боги, в которых фактически слились функции покровителей плодородия, а также защитников и спасителей, как умерших предков, так и продолжающих жить их потомков.

Примечания

1. Здесь представлен перевод Д. С. Мережковского, хотя имеются и более приближенные к оригиналу переводы этого пассажа из трагедии Софокла, где хор воспевае чудеса, величие, ум и достижения человека, который, несмотря на это, все равно «лишь почует о близость Аида / Как понапрасну на помощь зовет» [например, ср.: Soph. Ant. 369-370 – С. В. Шервинского и И.С. Познякова], что, впрочем, не меняет основной смысл.

Список источников и литературы

1. Болтунова А. И. Неизданные надгробия из пантикапейского некрополя // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 116: Северное Причерноморье в античную эпоху. М.: Наука, 1969. С. 49–54.
2. Боспорские надгробные рельефы V в. до н. э. – III в. н. э.: каталог выставки / Гос. Эрмитаж; авт. вступ. ст. и кат. Л. И. Давыдова. Л.: Изд-во Гос. Эрмитаж, 1990. 128 с.
3. Бритова Н. Н. Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 22. М.; Л., 1948. С. 53–56.
4. Гайдукевич В. Ф. Боспорская экспедиция // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 27. М.; Л., 1949. С. 38–45.
5. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.
6. Гладкова Т. А. О некоторых мастерах боспорского рельефа I-II вв.н.э. // Вестник древней истории. 1978. № 4. С. 93–106.
7. Давыдова Л. И. Боспорские надгробные рельефы первых веков н. э. (к вопросу о сравнительной характеристике) // Проблемы развития зарубежного искусства. Вып. 9. Л., 1979. С. 29–38.
8. Давыдова Л. И. Древневосточные мотивы на боспорских надгробных рельефах I – II вв. // Древний Восток и античная цивилизация: [сб.]. Л.: Изд-во Гос. Эрмитаж, 1988 [на обл. – 1989]. С. 77–82.
9. Зубарь В. М. О семантике одной группы погребального инвентаря в некрополе Херсонеса эллинистического времени // Боспорские исследования. Вып. 5. Симферополь; Керчь, 2004. С. 160–176.
10. Иванова А. П. Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 39. М.; Л., 1951. С. 27–34.
11. Иванова Г. П. Образ вершника в боспорском надгробном рельефе // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 11. Киев, 1962. С. 169–180.
12. Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки. Ч. 4: Придонье и Таманский полуостров. М.: Наука, 1974. С. 20–29.
13. Коровина А. К. Группа надгробных стел Таманского полуострова // Сообщения ГМИИ им. Пушкина. Вып. 4. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1968. С. 100–109.
14. Корпусова В. Н. Надгробные стелы некрополей сельских поселений Боспора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья: сб. науч. тр. Киев: Наукова Думка, 1980. С. 141–150.
15. Крыкин С. М. К вопросу о существовании культа конного героя на Боспоре // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях: межвузовский сб. науч. тр. М.: МГПИ им. В.И. Ленина. 1986. С. 30–45.
16. Кулаковский Ю. А. Две керченские катакомбы с фресками. Прил.: Христианская катакомба, открытая в 1895 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1896.

- [2], II, 67, [5] с., 15 л. цв. ил. (Материалы по Археологии России, изд. Императорской Археологической комиссией. Древности Южной России; № 19).
17. Марти Ю. Ю., Болтунова А. И. Неопубликованные надгробия из Керчи и окрестностей // Вестник древней истории. 1950. № 4. С. 69–77.
 18. Марченко И. Д. Археологическая деятельность государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина за 40 лет // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. Вып. 4. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1968. С. 3–26.
 19. Матковская Т. А. Особенности композиционного решения боспорских надгробных рельефов первых веков н.э. // Население и культура Крыма в первые века н.э.: [сб.]. Киев: Наукова Думка, 1983. С. 114–136.
 20. Петрухин В. Я. Загробный мир: мифы разных народов. М.: АСТ: Астрель, 2010. 614 с.
 21. Русяева А. С. О похоронном ритуале в Ольвии Понтийской в контексте эллинской традиции // Боспорские исследования. Вып. 28. Симферополь, 2013. С. 47–72.
 22. Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие / под ред. Б. О. Долгих. М.: Ленанд, 1964. 622 с.

References

1. Boltunova A. I. Neizdannyye nadgrobiya iz pantikapeyskogo nekropolya [Unpublished tombstones from the panticaean necropolis]. *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta arkheologii. Vyp. 116: Severnoye Prichernomor'ye v antichnuyu epokhu [Summary of the reports and field studies of the Institute of Archeology. Vol. 116: Northern Black Sea region in antiquity]*. Moscow: Nauka publ, 1969. Pp. 49–54. [In Russian].
2. *Bosporskiye nadgrobnyye rel'yefy V v. do n. e. – III v. n. e.: katalog vystavki [Bosporan tombstone reliefs of the 5th century BC. – 3rd century AD: exhibition catalog]*. The State Hermitage; Author of introductory article and catalog – L. I. Davydova. Leningrad: Izd-vo Gos. Ermitazh publ, 1990. 128 p. [In Russian].
3. Britova N. N. Obraz vsadnika na rel'yefakh Frakii i Bospora [Image of a horseman on the reliefs of Thrace and Bosporus]. *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury [Summary of the reports and field studies of the Institute of Archeology]*. Issue 22. Moscow; Leningrad, 1948. Pp. 53–56. [In Russian].
4. Gaydukevich V. F. Bosporskaya ekspeditsiya [Bosporan expedition]. *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury [Summary of the reports and field studies of the Institute of Archeology]*. Issue 27. Moscow; Leningrad, 1949. Pp. 38–45. [In Russian].
5. Gaydukevich V. F. *Bosporskoye tsarstvo [The Kingdom of Bosporus]*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR publ, 1949. 624 p. [In Russian].
6. Gladkova T. A. O nekotorykh masterakh bosporskogo rel'yefa I – II vv. n.e. [About some masters of the Bosporan relief of the 1st-2nd centuries A.D.]. *Vestnik drevney istorii*. 1978. No. 4. Pp. 93–106. [In Russian].
7. Davydova L. I. Bosporskiye nadgrobnyye rel'yefy pervykh vekov n. e. (k voprosu o sravnitel'noy kharakteristike) [Bosporan tombstone reliefs of the first centuries AD (to the issue of a comparative characteristic)]. *Problemy razvitiya zarubezhnogo iskusstva [Issues of the development of foreign art]*. Issue 9. Leningrad, 1979. Pp. 29–38. [In Russian].
8. Davydova L. I. Drevnevostochnyye motivy na bosporskikh nadgrobnnykh rel'yefakh I – II vv. [Ancient Eastern motives on the Bosporan tombstone reliefs of the 1st-2nd centuries]. *Drevniy Vostok i antichnaya tsivilizatsiya [Drevniy Vostok i antichnaya*

- tsivilizatsiya*]. Leningrad: Izd-vo Gos. Ermitazh publ, 1988 [on the cover 1989]. Pp. 77–82. [In Russian].
9. Zubar' V. M. O semantike odnoy gruppy pogrebal'nogo inventarya v nekropole Khersonesa ellinisticheskogo vremeni [On the semantics of one group of grave tools in the necropolis of Chersonese of the Hellenistic period]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporan studies]. Issue 5. Simferopol; Kerch, 2004. Pp. 160–176. [In Russian].
 10. Ivanova A. P. Kerchenskaya stela s izobrazheniyem vsadnika i sidyashchey zhenshchiny [Kerch stele depicting a horseman and a seated woman]. *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury* [Summary of the reports and field studies of the Institute of Archeology]. Issue 39. Moscow; Leningrad, 1951. Pp. 27–34. [In Russian].
 11. Ivanova G. P. Obraz vershnika v bospors'komu nadgrobnomu rel'yefi [The image of the top in the Bosporan tombstone relief]. *Arkheologichni pam'yatki URSS* [Archaeological memorials of the USSR]. Vol. 11. Kiev, 1962. Pp. 169–180. [In Russian].
 12. Kobylina M. M. Terrakotovyye statuetki Fanagorii [Terracotta figurines of Fanagoria]. *Terrakotovyye statuetki. Ch. 4: Pridon'ye i Tamanskiy poluostrov* [Terracotta figurines. Part 4: Pridonye and Taman Peninsula]. Moscow: Nauka publ, 1974. Pp. 20–29. [In Russian].
 13. Korovina A. K. Gruppy nadgrobnyykh stel Tamanskogo poluostrova [A group of gravestone steles on the Taman Peninsula]. *Soobshcheniya GMII im. A.S. Pushkina*. Issue 4. Moscow: GMII im. A. S. Pushkina publ, 1968. Pp. 100–109. [In Russian].
 14. Korpusova V. N. Nadgrobnyye stely nekropoley sel'skikh poseleniy Bospora [Tombstones of the cemeteries of rural settlements of the Bosporus] *Issledovaniya po antichnoy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [Research on the ancient archeology of the Northern black sea region]. Kiev: Naukova Dumka publ, 1980. Pp. 141–150. [In Russian].
 15. Krykin S. M. K voprosu o sushchestvovanii kul'ta konnogo geroya na Bospore [On the question of the existence of the cult of the equestrian hero on the Bosporus]. *Problemy ideologii i kul'tury v ranneklassovykh formatsiyakh* [Ideology and culture in the early class formations]. Moscow: MGPI im V. I. Lenina publ. 1986. Pp. 30–45. [In Russian].
 16. Kulakovskiy Yu. A. *Dve kerchenskiye katakomby s freskami* [Two Kerch catacombs with frescoes]. Pril.: Khristianskaya katakomba, otkrytaya v 1895 g. [Suppl.: Christian catacomb, opened in 1895]. Saint Petersburg: Typ. Gl. upr. udelov publ, 1896. [2], II, 67, [5] p., 15 sheets. Colored ill. (Materials on the Archeology of Russia, published by the Imperial Archaeological Commission. Antiquities of Southern Russia; No. 19). [In Russian].
 17. Marti Yu. Yu., Boltunova A. I. Neopublikovannyye nadgrobiya iz Kerchi i okrestnostey [Unpublished tombstones from Kerch and the surrounding area]. *Vestnik drevney istorii*. 1950. No. 4. Pp. 69–77. [In Russian].
 18. Marchenko I. D. Arkheologicheskaya deyatel'nost' gosudarstvennogo Muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina za 40 let [Archaeological activity of the State Museum of Fine Arts for 40 years]. *Soobshcheniya GMII im. A. S. Pushkina*. Issue 4. Moscow: GMII im. A. S. Pushkina publ, 1968. Pp. 3–26. [In Russian].
 19. Matkovskaya T. A. Osobennosti kompozitsionnogo resheniya bosporskikh nadgrobnyykh rel'yefov pervykh vekov n.e. [Features of the compositional solution of the Bosporan tombstone reliefs of the first centuries AD]. *Naseleniye i kul'tura Kryma v pervyye veka n.e.* [Population and culture of Crimea in the first centuries AD]. Kiev: Naukova Dumka publ, 1983. Pp. 114–136. [In Russian].
 20. Petrukhin V. Ya. *Zagrobnyy mir: mify raznykh narodov* [Underworld: Myths of Different Peoples]. Moscow: AST: Astrel publ, 2010. 614 p. [In Russian].

21. Rusyaeva A. S. O pokhoronnom rituale v Ol'vii Pontiyskoy v kontekste ellinskoy traditsii [On the funeral ritual in Pontic Olbia in the context of the Hellenic tradition]. *Bosporskiye issledovaniya*. Issue 28. Simferopol, 2013. Pp. 47–72. [In Russian].
22. Tokarev S. A. *Early forms of religion and development [Ranniye formy religii i ikh razvitiye]*. ed. by B.O. Dolgikh. Moscow: Lenand publ, 1964. 622 p. [In Russian].

Сведения об авторе

Шушунова Елена Валериевна –
ассистент кафедры истории и
археологии ФГБОУ ВО «Тульский
государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: schuschunova.elena@yandex.ru).

Information about the Author

Shushunova Elena Valeryevna,
assistant of the Department of History and
Archaeology of the Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(e-mail: schuschunova.elena@yandex.ru).